

Глава 72. Любимый человек

Высокий скакун неторопливо сделал ещё полкруга по пыльной тренировочной площадке, неся на спине двоих.

В прошлой жизни Цзян Тан ни разу не ездил верхом, и сейчас ему всё казалось внове и любопытно. Вот только седло было слишком жёстким: бёдра тёрло о него при каждом движении конской спины, и было не слишком приятно.

То ли Фу Линцзюнь услышал, как он только что пару раз жалобно замычал от боли, то ли просто сам заметил, но он красиво спрыгнул с коня и как ни в чём не бывало протянул руки, собираясь снять Цзян Тана вниз.

— Я... сам... слезу.

После того как Фу Линцзюнь на глазах у всех разбил стрелы Хуай Чэнчжана, на них теперь смотрела добрая половина площадки. Цзян Тан не привык, когда столько людей таращатся на него разом, и ужасно смутился.

Но, поколебавшись на высокой лошадиной спине, он замер.

Точно так же когда-то пушистый комочек боялся спрыгнуть с кровати, так и теперь он банально не решался спрыгнуть с коня.

Фу Линцзюнь не дал ему второй раз отказаться. Одним движением длинной руки он снял его вниз, ничуть не заботясь о чужих взглядах.

Цзян Тан чувствовал, что кожа у него становится всё толще. Раньше, окажись он под такими взглядами, точно сгорел бы со стыда, а теперь ещё терпимо. Он только мысленно уговаривал себя: всё равно никто из этих людей его не знает, а через минуту, может, и вовсе забудут.

Но внимание окружающих вскоре переключилось на шум с другого конца площадки.

Там были Е Чжэнвэнь и Хуай Чэнъинь.

Молодой господин Е был вовсе не так терпелив, как Хуай Чэнъинь. Услышав, как тот ученик распускает язык, он разозлился вовсе не из-за слов о том, что сам он — противный избалованный гуляка. По-настоящему его взбесило другое: Хуай Чэнъинь ведь как раз из тех, у кого старание куда больше таланта, кто в каждой мелочи выкладывается до конца. И друзей у него почти нет вовсе не потому, что он будто бы смотрит на всех свысока, а потому, что это другие не хотят с ним водиться.

Он до сих пор помнил, как впервые увидел Хуай Чэнъиня в восемь лет, когда префектура Аньюань приезжала в гости в префектуру Фуфэн. Тогда он заметил, что мальчик примерно его возраста, а ведёт себя уж слишком серьёзно, и не удержался — принялся его задирать. Но сколько ни дразнил, тот так и не расплакался. Совсем неинтересно.

Позже Е Чжэнвэнь услышал от других кое-что о жизни Хуай Чэнъиня. И как только понял, что сам ещё и обижал такого жалкого, несчастного человека, у него взыграла совесть. Так они понемногу и подружились.

Такой бедовый ребёнок, а в чужих пересудах вдруг превращается в высокомерного гордеца, который ни во что не ставит других. Что это вообще за извращённая логика? Разве слабый

всегда прав?

— Эй! — Е Чжэнвэнь с важным видом упёр руки в бока и уставился на ученика, который только что чесал языком. — Давай подерёмся?

Тот, кто кричал громче всех, сразу замолчал.

— Что такое? Мы же просто поиграем, — цыкнул Е Чжэнвэнь. — Или ты струсил?

— Не вздумайте тут людей запугивать! — упрямо вскинул подбородок ученик. — Я ведь ничего не соврал. Что ты собираешься делать?

Из-за того что Е Чжэнвэнь вёл себя так заносчиво и дерзко, вокруг него один за другим начали собираться и остальные ученики, которые только что шептались вместе с тем парнем.

— Молодой господин Е, вы, кажется, что-то перепутали. Это не префектура Фуфэн и не секта Лянъи!

Сначала их было трое-пятеро, потом с десятком. Один за другим они встали напротив, будто намеренно отрезая Е Чжэнвэня от остальных.

Серебристый морозный тигр почувствовал настроение этих учеников, оскалил зубы и глухо зарычал.

Ростом он был почти с самого Е Чжэнвэня. Его мощные передние лапы чуть согнулись, всё тело напряглось дугой, и тот самый ученик с красным поясом, которого вызвали на драку, невольно попятился.

— Вы чего! Если молодой господин Е хочет покрасоваться, пусть возвращается со своим важничаньем в Фуфэн! — ученик и сам трусил до смерти, но проглотить обиду не мог. — Сегодня здесь и седьмой старейшина. Посмей ты только поднять руку — я сразу пожалуюсь!

Хуай Чэнъинь, которому всё это время не удавалось протиснуться сквозь толпу, наконец пробрался вперёд.

— Что ты творишь!

Он хотел удержать Е Чжэнвэня, но в этот момент неизвестно откуда из толпы вынырнули две руки и с силой толкнули его в спину. Он и так ещё не успел толком остановиться, так что тут же пошатнулся и едва не упал.

Но в толпе уже появился высокий, крепкий силуэт.

Огромная ладонь поддержала Хуай Чэнъиня под спину и помогла удержаться на ногах.

— Зачем... толкать его?

Сян Син с явным гневом посмотрел на того, кто только что под шумок пихнул Хуай Чэнъиня.

Тот поймал его взгляд и тут же струсил. Сян Син пугал даже сильнее, чем серебристый морозный тигр.

— Хватит шуметь, седьмой старейшина идёт!

Кто-то крикнул это во весь голос, и столпившиеся здесь ученики вдруг разом разлетелись в стороны, будто рассыпанные бобы.

Шумная площадка мгновенно затихла.

— Из-за чего весь этот гам?

На площадку вошёл мужчина с поседевшими волосами и совсем не старым лицом. Заложив руки за спину, он окинул острым взглядом тех самых учеников, что только что устроили шум, а потом задержал глаза на Хуай Чэнъине и Е Чжэнвэне.

Хуай Чэнъинь опустил голову.

— Тем, кто не сдаёт экзамен, запрещено задерживаться на площадке.

На словах он вроде бы просто велел им уйти, но по сути никакого наказания Хуай Чэнъиню не назначил.

Хуай Чэнъинь сразу понял, что седьмой старейшина таким образом даёт ему сохранить лицо. Он поспешно потащил за собой Сян Сина и Е Чжэнвэня, а по дороге подобрал ещё и Цзян Тана с Фу Линцзюнем, которые только что подошли на шум.

Голоса там стояли такие, что Цзян Тан так и не понял толком, что именно произошло. Е Чжэнвэнь до сих пор кипел от злости и на ходу закатывал рукава.

— Чэнъинь, что это вообще было? Только не говори мне, что они всегда разговаривают с тобой в таком тоне! Что за отношение? У нас дома я бы такого типа избил так, что родная мать бы не узнала!

Настроение у Хуай Чэнъиня по-прежнему было не лучшим.

Цзян Тан помнил, что у Хуай Чэнъиня нет родителей. Они умерли рано, и с детства его растил рядом с собой Хуай Шоусинь. На фоне остальных детей рода Хуай из префектуры Аньюань к нему действительно относились иначе.

Но это «иначе» означало лишь, что требования к нему в учёбе и культивации были выше, ожидания Хуай Шоусиня — строже, а наказания за невыполненное — тяжелее. Ни одного из тех «преимуществ», о которых трепались чужие языки, на деле не существовало.

Из-за спины Хуай Чэнъиня вдруг протянулась большая рука и потянула его за рукав. Сян Син медленно раскрыл свой огромный кулак. На ладони у него лежал очень красивый барабанчик-погремушка. На круглой кожаной поверхности был нарисован пухлый малыш: щёки — как булочки, тельце круглое-круглое, словно мячик.

— Не... грусти, — очень серьёзно сказал Сян Син. — В следующий раз... отлупим их в ответ.

Хуай Чэнъинь, глядя на этот барабанчик, и смеяться хотел, и не знал, что делать.

За эти дни, что они прожили в одном маленьком дворике, он успел немного понять тугодумного здоровяка. Сян Син любил собирать всякие игрушки, которые нравятся детям, и ещё любил дарить им такие штуки.

Е Чжэнвэнь, стоявший рядом, тут же прыснул.

— Братец Сян Син, а у Чэнъиня ведь в следующем году уже совершеннолетие. И ты даришь ему вот это... ха-ха-ха!

И тут же получил от Хуай Чэнъиня сердитый взгляд.

— Не болтай. Мне нравится.

Пусть подарок выглядел уж очень по-детски, но Хуай Чэнъинь, которого в роду Хуай никогда особенно не жаловали, и правда почти не играл в подобные вещи. Всё-таки он был единственным прямым наследником рода Хуай из префектуры Аньюань и с малых лет занимался рядом с чопорным, строгим Хуай Шоусинем. Никаких развлечений у него не было. Только повзрослев немного и познакомившись во время семейных визитов в Фуфэн с Е Чжэнвэнем, он наконец обзавёлся хоть одним другом, причём ещё и совсем несерьёзным.

Детство он упустил, так что этот подарок ему действительно понравился.

Е Чжэнвэнь, однако, не удержался от подначки:

— Как это? Подарок только у Чэнъиня, а мне ничего?

Сян Син растерялся, а потом поспешно вытащил из-за пазухи ещё один почти такой же барабанчик-погремушку, в два шага подошёл к Цзян Тану и протянул ему.

— Тебе, — сказал он.

Цзян Тан с улыбкой принял подарок. На барабанчике была нарисована живая-преживая белая собачка, и глаза его тут же изогнулись от радости.

— Спасибо!

Сам подарок был не так уж важен. Куда важнее было то, что о нём подумали. А ещё, пусть Сян Син и не отличался вкусом в выборе подарков, подобрал он всё очень в тему. Цзян Тану досталась белая собачка, а Хуай Чэнъиню — пухлый малыш, точь-в-точь как сам Хуай Чэнъинь с его ещё не сошедшей детской округлостью лица.

То есть Сян Син, вернувшись из поездки, привёз подарок Хуай Чэнъиню, привёз подарок Цзян Тану и только Е Чжэнвэня обошёл стороной.

— Да быть не может. Почему только мне ничего не досталось? — Е Чжэнвэнь, который только что сам же насмеялся над «детскими» подарками, подождал ещё немного и, поняв, что больше Сян Син ничего вытаскивать не собирается, как-то заметно сник.

А у Сян Сина и правда больше ничего не было.

Он долго колебался, а потом всё-таки, с явной неохотой, достал из-за пазухи сплетённую из травы бабочку, которой когда-то успокаивал Цзян Тана, и протянул её Е Чжэнвэню.

На ней всё ещё виднелись следы зубов пушистого комочка Цзян Тана.

Е Чжэнвэнь: «...»

Уж лучше бы совсем без подарка.

Сегодня он был просто королём одиночек. Если бы Сун Цзиньяо всё ещё тренировался у

холодного пруда, то хотя бы по вечерам возвращался бы ночевать в тот же дворик, и было бы с кем перекинуться словом. Но теперь Сун Цзиньяо не только уехал в Кунчань, так ещё и прихватил с собой девушку, которая нравилась Е Чжэнвэню.

И вот теперь он смотрел, как Сян Син уходит вместе с Хуай Чэньинем, как Цзян Тан уходит вместе с Фу Линцзюнем, а сам оставался один. Очень печально.

Цзян Тан, прижимая к себе подарок от Сян Сина, вприпрыжку вернулся в комнату.

Фу Линцзюнь совершенно естественно вошёл следом, словно в этом маленьком дворике была только одна жилая комната и жить он изначально должен был именно здесь.

На столе всё ещё лежали развернутые книги и свитки, которые Цзян Тан не успел дочитать.

— Я всё... выучил!

Он поспешно ткнул пальцем в две толстые стопки книг на подоконнике, боясь, как бы Фу Линцзюнь не решил, что он ленился.

— Правда!

И с очень гордым видом выпятил грудь.

Для самого обычного горе-ученика он и правда проделал огромную работу, чтобы выполнить задание великого злодея.

Перед Цзян Таном вдруг появилась красивая бусина глубокого синего цвета.

Фу Линцзюнь ничего не сказал, не произнёс даже, что это подарок. Он просто вытянул руку и, опустив глаза, посмотрел на него.

— Подарок?

Цзян Тан удивлённо поднял взгляд на Фу Линцзюня.

Вот это да. Великий злодей умеет размахнуться!

За это время он уже примерно понял уровень цен в мире бессмертных. Хорошая жемчужина Нахай стоила ужасно дорого — от нескольких десятков тысяч духовных камней до нескольких сотен тысяч. И по цвету жемчужины тоже можно было понять ранг.

Если цвет был бледным и мутноватым, с примесью оттенков, значит, ранг низкий. А та, что Фу Линцзюнь дал ему сейчас, была глубокого синего цвета, прозрачная, чистая, и выглядела точь-в-точь как та, что висела у него самого на поясе на красной кисточке. С первого взгляда было ясно: вещь высшего сорта.

— А как... ей пользоваться?

И в следующую секунду Фу Линцзюнь взял его за руку.

Он не стал использовать духовную силу Цзян Тана, а, наоборот, влил в него ещё немного своей, а потом направил этот поток так, чтобы открыть жемчужину Нахай.

В сознании Цзян Тана вдруг возникла огромная «комната». Внутри было целых сто восемь

ячеек пространства. И он увидел, что в каждой что-то лежит, а золотисто-красная духовная сила окутывает эти вещи и сохраняет их.

Приглядевшись, он наконец различил, что же именно там хранится.

Во всех ста восьми ячейках, кроме тех, что были до ослепления набиты духовными камнями и ядрами чудовищных зверей, лежала еда. Много еды. Та, что он уже пробовал, и та, что ещё ни разу не видел.

Из-за подпитывающей духовной силы от неё даже слегка поднимался пар.

Сглотнул.

Цзян Тан не удержался и сглотнул так громко, что самому стало стыдно.

Он моргнул, крепко обнял руку Фу Линцзюня и воскликнул:

— Нравится!

А потом, будто одного раза было мало, повторил:

— Очень нравится!

Фу Линцзюнь достал из своей жемчужины Нахай красивую красную кисточку и продел в неё синюю бусину, которую держал Цзян Тан.

Бледные длинные пальцы обвили шнурок и ловко завязали узел.

А внизу вдруг появилась тёплая на вид белая нефритовая подвеска.

Эта подвеска показалась Цзян Тану знакомой. Кажется, он уже где-то видел её раньше.

Фу Линцзюнь опустил голову и подвязал кисточку к поясу Цзян Тана.

— Береги, — сказал он.

Ничего лишнего. Никаких объяснений. Ни слова о том, откуда взялась эта подвеска.

Но глаза у Цзян Тана мгновенно покраснели.

Он помнил её. В тот раз, когда они рухнули в бездну обиженных душ долины Тяньбэй, среди редких тёплых воспоминаний он видел, как маленький Фу Шэн, жуя сладкую лепёшку, смотрит на свою кроткую мать, которая сидит при свете свечи и плетёт кисточку.

Живот у неё уже был совсем большим. Фу Шэн знал, что там его младший брат или сестрёнка. Отец говорил, что он старший брат и потом должен защищать младших. Поэтому сегодня он тоже очень старался в тренировке. Он хотел стать по-настоящему сильным человеком.

Белые тонкие пальцы ловко доплели кисточку, потом женщина сняла со своего пояса нефритовую подвеску и продела её в шнур.

— Разве эту подвеску отец не подарил маме? — спросил маленький Фу Шэн своим детским голоском.

Женщина с улыбкой коснулась кончиком пальца его носа.

— Оставим её тебе, чтобы однажды ты подарил её человеку, которого полюбишь. Хорошо?

Примечание автора:

Фу Линцзюнь: мою любовь — береги как следует!

<http://bllate.org/book/17032/1645088>